

Глава 1

Я И МОЙ ДАР

Окно было открыто всю ночь, но проку от этого — чуть. Камень прогрелся за последние дни, замок казался огромной печью, в которой мы томились круглые сутки. Жаркая осень тут была ни при чем, светоносный диск никогда бы не смог прогреть толстые стены — сам камень исторгал этот жар, и по ночам башни слегка светились красноватым зловещим светом на фоне звездного неба. Магия оставляла замок, и ни я, ни Крон ничего не могли с этим поделать. Недаром матушка выселила прислугу из деревянной людской, чтобы разместить там госпиталь. В случае штурма — место опасное, лакомое для огня, но, пока Игерова армия стоит за Ведьминым гребнем и не пробилась через перевал, куда лучше лежать в деревянном бараке, нежели задыхаться в перегретом камне. Сон был редкий, как биение пульса растратившего силы магика. Казалось, что и вовсе сна никакого нет: закрываешь глаза — открываешь — видишь высокий черный свод с нарисованной кем-то белой стрелой. Боль в ноге возвращается к утру, течет расплавленным огнем по кости от середины бедра, от того места, куда впиалась заговоренная стрела, до самой ступни. Предвещает рассвет.

ПЕРСТ СУДЬБЫ



Хорошо хоть никчемные руки больше не болят — я их почти не чувствую. Я могу шевелить пальцами, и они кое на что способны — например, держать кружку или нож, и даже меч. А главное, пальцы могут держать перо и подписывать указы. Повысить налог, снизить подать, отдать треть винной пошлины на нужды коллегии оружейников. Как Второй наследник короны я имею право отдавать приказы главному казначею.

На последней тренировке Чер-Рис — слабый мечник, но большой хвостун — выбил клинок у меня из руки. Теперь в городе в таверне «Боров» он треплется по вечерам, что победил в поединке самого Кенрика Магика.

Боль в ноге пройдет часа через два — это чистая магия, а не болезнь. С каждым утром срок для муки убывает, как тень к середине лета — порча истаивает понемногу. Будь я по-прежнему в силе, сам бы свел ее минут за десять. Но тело само по себе сопротивляется и перебарывает порчу. Обычного человека такая черная магия свела бы в могилу, но у мага девять жизней, как у кошки. Так говорят. Крон предлагал свести порчу, но я отказался из чистого упрямства — хоть что-то у меня, в конце концов, должно было получиться.

* * *

Вчера, одевшись в старую куртку моего верного Френа, я вышел через Львиные ворота в город. Стража меня пропустила, хотя и с некоторым неудовольствием, пара мечников даже увязались на манер охраны, но я поднял руку, и они отступили. Испугались, что в моих скрюченных пальцах осталась капля магии и я смогу навести порчу одним жестом. Я скривил губы в усмешке и,

Глава 1. Я И МОЙ ДАР

превозмогая боль, сжал пальцы в кулак, как будто сдерживая готовую сорваться с кончиков пальцев магическую силу. Мечники повернули назад. Я видел, как один из них сплюнул и сделал неприличный жест.

Каменные львы над воротами ухмылялись добродушными кошачьими мордами. За две сотни лет им наверняка надоело держать в лапах герб Ниена — разграфленный на четыре части щит с геральдическим зверинцем. По весне его всякий раз заново раскрашивали лазурью и киноварью, а зверей золотили. Но не в этот год, посему краски изрядно полиняли.

Я побродил по улицам, заглянул на базар. Цены по-прежнему росли, дешево можно было купить разве что дрянную рубаху да глиняную посуду — зато мука и сыр стоили дороже деликатесов из Гамы в довоенные времена. Если так дальше пойдет, то Черные ряды поднимутся на бунт, и тогда уже будет без разницы — прорвется армия Игера через Гадючий перевал на Ведьмином гребне или нет. С базара путь мой лежал в оружейные мастерские, поглядеть, как там идет работа, и не только поглядеть. Едва свернул, как пес-чел кинулся ко мне, рванул цепь так, что опрокинулся на спину, но и катаясь по земле, он скреб пальцами пыль и рычал. Накидывать собачью привязь на людей — дело в нашем мире обычное. Одни платят магикам ради забавы, другие держат в песьем ошейнике должников. Есть такие, что сажают собственных детей — в целях воспитания. Магия эта непрочная, ее легко сдернуть. В прежнее время я не раз помогал пленникам срываться с цепи — в основном просто потому, что терпеть не могу, когда магичат так подло. Одни люди-псы сбегали, другие тут же снова напяливали ошейники и продолжали играть песью роль без всякой магии, просто из страха перед господином, желая

ПЕРСТ СУДЬБЫ



угодить и доказать, что по пути подчинения готовы пойти до собачьей будки. Матушка однажды в детстве пыталась посадить меня на поводок. Я сорвался, да еще создал стаю собак-мираклей и спускал их каждую ночь, пугая столичных жителей. Вражде нашей положил предел отец. Пригрозил отправить меня магичить на каменоломни все лето, разбивать камни для стройки, если я не перестану призывать собачьи своры на улицы. А матушке он строго запретил сажать меня на привязь. Тогда, еще в далеком детстве, я понял одно: чтобы добиться своего, надо иметь достаточно силы. Слабым никто не уступает. Слабых не принимают в расчет, их сажают на цепь, им достаются только обглоданные кости. Не дай я отпор, поводок стал бы частью моего детства.

Но Дар сам по себе еще не означал силу. Я положил себе цель: стать сильнее прочих. Перестал выпускать собак-мираклей на городские улицы, засел в библиотеку и часами изучал манускрипты первых магов, что прибыли в Ниен из Дивных земель. При этом я создавал свою копию и посылал миракля на реку плескаться в воде или гоняться за бабочками в поле. О моих занятиях в библиотеке знали двое — Марта и мой брат Лиам. Но они бы никогда не выдали меня.

Я поднял руку в призывающем жесте. Пес-чел тут же улегся на пузо, поджав «лапы», завертел задом, точь-в-точь пес, виляющий хвостом. Увы, руки мои теперь не пригодны даже на то, чтобы сдернуть собачью привязь. Так что я просто пожал плечами и двинулся дальше. Пес-чел взлаля отчаянно, рванулся, но цепь опрокинула его на спину.

За четыре месяца войны город оскудел, потускнел и как-то полинял. Вывески лавок и мастерских поблекли,

Глава 1. Я И МОЙ ДАР

многие окна были разбиты, стекла заменены дощечками, на мостовой стояли лужи из нечистот, в домах побогаче окна оставались закрытыми ставнями даже днем, краска шелушилась, напоминая перхоть. Серела в дрожащем от зноя воздухе паутина голых веревок, на которых прежде сушилось белье, тянулась через улицу, петляя от окна к окну. Городская клоака забилась еще в самом начале войны, Ниенский эдил не позаботился ее вычистить, так что нечистоты стекали прямо по мостовой, образуя в низинах коричневые лужи. Ни свиней, ни кур видно не было — если кто еще и держал живность, то в каменном сарае под замком.

Народу на улочках было почему-то много, все куда-то спешили, но как будто и без дела, искали что-то, не чая уже найти. Одежда даже у женщин замызганная, серая, у многих и лица грязны — мыло подорожало втрое против обычного и стало редкостью.

На пустыре, где в прошлом году начали разбивать городской сад, но по весне позабыли обо всех планах, носились дети, играя в пехотинцев и всадников, колотили друг друга деревянными мечами. На самодельных щитах у каждого красовалась большая N. Каждый из них защищал свой город, никто не хотел биться за Игера.

Калека, обезноженный и без левой руки, собирал милостыню в глиняную кружку, сидя прямо на мостовой. Старая поддоспешная лорика, кожаные штаны, зашитые крупными стежками повыше колен. Подавали плохо. Заметив мою тень, нищий поднял голову. В глазах его не было ни боли, ни отчаяния, ни обиды. Они были как омут в яркий полдень. Так выглядит полная покорность Судьбе. Я бросил ему медяк и спешно прошел мимо. Мне вдруг представилось, что он окликнет меня и предложит сесть с ним рядом.



* * *

В мастерских оружейников делали стрелы и чинили побитые в схватках доспехи, новое оружие уже почти не ковали. Да и некому ныне являть мастерство: в городе остались только старики и мальчишки из младших подмастерьев. Все мужчины — в армии отца на Гадючем перевале. Чер-Лис среди оружейников — исключение. Ему король Эддар, мой отец, пожаловал охранную грамоту как личному королевскому оружейнику. Бравый рыцарь на вывеске выгорел на солнце, и левая рука со щитом у него отвалилась. Окна и дверь в мастерскую были распахнуты настежь, но от этого внутри не стало прохладней. Чер-Лис узнал меня даже в чужих тряпках, спросил, есть ли какая надобность в его работе — сделает вне очереди. Я повертел перед его носом изувеченной рукой. «С этим можно что-то сделать?» Оружейник сокрушенно покачал головой. А потом позвал меня в свое тайное хранилище и здесь подобрал мне по руке легкий кинжал с тонким и острым лезвием. «Сталь тут такая, что ее даже удар топора не перешибет, а в плоть входит будто в масло, силы почти непотребно. Только не угоди в кость: застрянет — не вытащишь». Я повертел в руках опасную вещицу — золотая рукоять слажена в виде двухвостой змеи, голову украшают два крупных изумруда. Оружие скорее для женской руки, но мне теперь выбирать не приходится. «Гадюка, — отрекомендовал новый кинжал Чер-Лис, — хорошая вещь должна носить имя». Я щедро расплатился с Чер-Лисом за Гадюку и спросил, может ли он сделать примерно такой же меч — с клинком недлинным и легким. В пальцах у меня нет и половины прежней силы, а в запястьях — той свободы движения, когда меч становится продолжением руки. Но безоружным я оставаться

Глава 1. Я И МОЙ ДАР

не желал. Чер-Лис покивал, обещал подумать и что-то записал на вощенной табличке.

* * *

От оружейника пошел я в таверну «Боров». За жаркое, горбушку серого хлеба да кружку эля пришлось заплатить столько, сколько раньше отдавали за хорошую пирушку человек на десять. Хозяин смотрел подозрительно — откуда у простолюдина в полотняной куртке такие деньги, и мне пришлось поднять левую руку и продемонстрировать перстень с гербом Ниена. Он наконец-то узнал меня, понимающе прикрыл глаза и выложил на тарелку кусок мяса в два раза больше положенной порции. Занятно, что в дни бедствий принято подкармливать богачей, а не бедняков. Я указал на служанку, давая понять, что нужно все сгрузить на поднос да отнести вот в тот темный уголок, где я бы мог спокойно посидеть. Хозяин понял, ухмыльнулся, но переусердствовал — толстая деваха не только принесла все заказанное на подносе, но еще и попыталась усесться мне на колени, взгромоздившись как раз на большую ногу. Я зашипел от огненной вспышки в колене и толкнул ее довольно грубо. Она убежала в слезах — никогда не думал, что смогу довести до слез служанку из таверны. Хозяин потрусил следом выяснить, чем недоволен мессир. Я же с некоторым злорадством представил, как в задней комнате девчонка переругивается с хозяином и каждый из них винит другого в глупости. О том, что Кенрик Магик до сих пор страдает от раны, в городе наверняка ходят слухи, и сегодняшний случай породит новые пересуды.

Кенрик Магик! Я уже не Магик! Я — всего лишь Второй наследник, но с этой мыслью мне пока никак не сжиться.



Я достал купленный у Чер-Лиса кинжал и разрезал мясо на куски. Мастер не обманул — чудесная сталь резала мякоть будто полежавшее на солнце масло. Боевое оружие не для стола в таверне, но в моем мире теперь все изувечено. К тому же не терпелось проверить, так ли хорош кинжал, как расписывал оружейник.

«Не обошлось без магии», — констатировал я. Но разобраться, кто из магов подсобляет Чер-Лису и есть ли у мага патент, не стал. Если Ниен уцелеет, король пожалует оружейнику титул патриция. Лис сбросит унижительную приставку Чер со своего имени, как старый изношенный плащ.

После каждой войны во дворе замка разбивают гербы десятков патрицианских родов, и черные люди занимают места в Королевском Совете. Если подумать, то черные люди должны любить войну, а патриции — ненавидеть. Но выходило наоборот.

Патриции Ниена не клянутся королю магической клятвой. Король должен верить благородному слову патриция. А вот черные люди в шестнадцать лет приносят клятву верности, и магик ее скрепляет. Получается, что новые патриции связаны старой клятвой черноногих. По особой милости короля магик может снять старую клятву. Так было с Джерадом. Прежнее его имя — Чер-Дже. Его отец — первый человек в ратуше. Я лично снял с него клятву по приказу короля. Но будь моя воля, я бы не стал этого делать.

Тем временем в таверну ввалилась шумная ватага. Человек пять новобранцев — завтра их отправят на подмогу в королевский лагерь — и с ними двое поставленных на ноги раненых. Новобранцев подгонял Чер-Рис. Они уже были под хмельком и потому орали наперебой —

мол, к зиме положат в землю всю Игерову рать. Не знаю, кто их приводил к присяге, я накладывать магический замок на клятву больше не могу. Джерад — слабый магик, его замки валяются после пары ударов меча. Те клятвы, что скреплял я, не сбить даже мессире Брину. Мечники на Изумрудной реке стояли насмерть, ни один не отступил без приказа, ни один не побежал. Интересно, может ли верность существовать сама по себе, без магии?

— Эх, если бы армией командовал король Грегор! — воскликнул Чер-Рис, — вот тогда мы бы победили. Давно надобно в атаку на Игера идти, а не отсиживать жопы в лагере у перевала.

— Это ты точно сказал! — поддакнул кто-то у стойки.

— Если бы Кенрик мог как прежде магичить! — вздохнул один из новобранцев, тощий малец лет шестнадцати, с огненно-рыжими вихрами. — Говорят, на Изумрудной реке Кенрик создал конную армию и обдурил самого Игера.

— Уж прямо армию! — фыркнул второй малец в старой, как видно, отцовской рубахе, которая была ему велика.

— Правда-правда. Сотни мираклей, и все конные рыцари в доспехах! Отец рассказывал! Он и сам поверил, что это какой-то засадный полк, особенно когда они принялись рубить Игерову пехоту. А потом конники растаяли в воздухе, и Джерад ударил на Игера с другого фланга, — продолжал рассказывать мой поклонник.

— Кенрик уже никто — он даже меч в руке удержать не может! — злорадно сообщил Чер-Рис и заржал.

Ему никто не стал вторить. Все молчали.

— А ты расскажи, — возвысил голос трактирщик (вернулся из задней комнаты весьма злой, а тут как раз Чер-Рис и подвернулся), — как Кенрик обрастил тебя всего шерстью, да еще крысиный хвост из штанов торчал.



Было такое, было — за то, что он подленько обошелся с Лиамом.

Мальчишки-новобранцы захихикали, Чер-Рис сделался красным как вареный рак.

— Да все это миракли, — пробормотал он и провел рукой сзади по штанам, проверяя, не рвется ли наружу сквозь синее сукно розовый голый хвост.

Да, вернуть бы мне мои руки — я бы устроил этому трусу веселье.

— Кенрик — неплохой мечник, — заметил один из парней, я узнал в нем раненого, которого выходила матушка. Копьем ему пробили плечо насквозь, кость раздробило в осколки. Сколько сил отняла у матушки эта сращенная косточка на плече? Отец запрещал ей лечить всех подряд — только эквитов и сотников, да и то с опасными ранами, но матушка его как будто не слышала. Она вообще никого не слышала в эти последние месяцы.

— Ой, держите меня семеро, умру от смеха, — нарочито захрюкал Чер-Рис. — Да он и в прежние времена был боец плевый, а ныне вообще никакой.

— Хлеб не на что взять у булочника — вот дело, — отозвался мрачный парень, по виду, скорее всего, кузнец, сидевший за столом с кружкой эля еще до прихода ватаги. Правая щека его была сжевана в печеное яблоко свежим ожогом. — Мои голодают. А миракли магика мне без разницы, от мираклеи заказов не прибавится. В первый день месяца выдали две серебрушки. Ну и где они? Где?

— Чер-Мак, в долг больше не наливаю! — крикнул ему хозяин.

— Во, видали! Меня больше не поят. — Мак сокрушенно вздохнул, запрокинул голову и вылил себе в горло остатки из кружки, как в воронку. — А вы тут про

миракли, недоделы. Кто из вас кружку поставит кузнецу Маку? — Парень нарывался на драку.

Я терзал зубами сочное мясо, запивал элем и, кажется, презирал сам себя больше, нежели Черный Рис.

Драка вспыхнула, и я даже не понял, из-за чего. Но в следующий миг кузнец уже сцепился с Рисом, а мальчишки-новобранцы метелили какого-то парня, что собирался протиснуться к двери, но не успел. Не дожидаясь, пока хозяин кликнет стражу, я выскользнул на кухню, а оттуда наружу через заднюю дверь. Путь мой лежал к большой пекарне толстяка Чер-Наса. Уже начинало смеркаться, и подле торгующих лавок подмастерья втыкали в медные гнезда серные факелы. Я огляделся: по ночам в Ниене пошаливали грабители. Хотя на прошлой неделе пятерых повесили, я бы не поставил и медный грошик на то, что новая шайка не караулит запоздалых прохожих, идущих с базара. Ну что ж, проверим, так ли хорош кинжал, как обещал мне Чер-Лис.

* * *

Окна в пекарне были уже темны. Все, кроме одного. Я постучал условным стуком — пять коротких ударов, потом перерыв — и еще один. Стук этот означал, что за хлебом явился кто-то из замка. Свет в окошке как будто дрогнул — значит, Толстяк взял свечу и пошел к двери.

В деревянной филенке открылось окошечко, я откинул капюшон со лба.

— Ваша милость, поздноватенько явились за хлебом, все уж распродано. Вот разве что пара сдобных булочек... — Пекарь отворил дверь, и я вошел.

На старом почерневшем столе оплывала сальная свеча, и подле коробилась заляпанная бумага с записями.